

Ледник В.А.

Муза саксофониста

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Александрович Ледник

Муза саксофониста

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43251488

SelfPub; 2020

Аннотация

В книге всё, что вы хотели узнать о белорусском менталитете. "Муза саксофониста" – это роман, главным героем которого является музыкант и работник Экологического центра Костя. Он расстаётся со своей девушкой и вынужденно переезжает в старый дом прадеда, возвышающийся на берегу реки Полоты. Вскоре Костя сталкивается с нечистой, поселившейся в доме прадеда задолго до него. На страницах произведения читатель найдёт красивую историю о любви, неизбежных ошибках в борьбе за счастье и загадочной белорусской душе. В оформлении обложки использовано изображение Новицкой Г.И. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Бегство	4
Знакомство	8
Нашествие Золотой Орды	15
Катастрофа	25
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Бегство

«Нищим пожар не страшен» – вспомнил я замечание Гегеля, собирая вещи и упаковывая в футляр свой чёрный саксофон Karl Glasser. Выходя с чемоданом на колёсах из замызанной серой хрущёвки, возвышавшейся в центре города Полоцка, я столкнулся на лестничной клетке с толстым курящим соседом. В каких-то оранжевых шортах с лампасами, больше смахивающих на трусы-семейники, и белой майке без рукавов он смолил сигарету на площадке над железной банкой от индийского кофе. Я, конечно, хотел бы, чтобы из дома, где я был счастлив в прошлом, меня проводила моя бывшая возлюбленная и попрощалась со мной. Но она уехала к матери, и последним человеком, ставшим свидетелем крушения моего старого мира, оказался сосед-боров.

На плече соседа выделялась татуировка из наколотых парашюта, самолёта и расположенной под ними аббревиатуры ВДВ. С неряшливой щетиной и грязными волосами сосед меня поприветствовал кивком головы и ехидной ухмылкой.

Выскочив на улицу и придерживая прыгающий по ямам коричневый чемодан, отделанный искусственной змеиной кожей, я напоролся на толпу горожан, их движение сопровождал играющий оркестр. Когда-то в детстве я прочитал легенду об отважном рыцаре, убивающем драконов, который

украшал их кожей и рогами сбрую своего коня. У меня не было коня, а вот на моём портфеле и чемодане присутствовали элементы из кожи пресмыкающихся, приближавшие в моих фантазиях рыцарский образ. Солнце озаряло широкую улицу и хрустящую плитку, вечно покрытую песком из-за гениальной идеи коммунальщиков посыпать зимой дорожки песком и солью. Мой взгляд наткнулся на стройную симпатичную шатенку в леопардовом платье, скупающую на тротуаре со стаканом кофе в руке. Её волосы и подол платья трепал ветер, девушка мне улыбнулась, и я почувствовал тонкий цитрусовый аромат её духов. Я гордо расправил плечи, под высоким синим небом с чуть заметной изорванной вуалью облаков меня ожидали новые надежды и перспективы.

В Полоцке как раз был День города, и частью празднования являлся парад на центральных улицах. Колонна полочан состояла из отдельных секций, представленных различными организациями: бани, хлебозавода, ЖКХ, почты и т.д.

Однако наряду с работниками, шедшими в майках с логотипами предприятий, наличествовали и какие-то нелепые в этом мероприятии костюмы. Так, пожарные шествовали вместе с русскими князьями, суть этой задумки я не до конца понял, хотя князья, действительно, любили сжигать города, и, видимо, должны были обеспечивать пожарных работой. Жуткое чудовище, похожее на гигантскую кареглазую картошку с полосками, как у пчелы, и надписью «Каравай» соседствовало здесь с танцовщицами живота в золотистых

нарядях. Судя по виду «каравая», вместо слежения за выпечкой, девушки Хлебозавода тратили дни только на восточные танцы.

Девчонки-модели в советских пилотках и гимнастёрках времён Второй мировой войны перемещались почему-то в чёрных и серых мини-юбках, возможно, отобранных у немцев в бою. А недалеко от них переминались учащиеся медицинского колледжа, облачённые, как феи, и меня немного напугала подобная точка зрения будущих медсестёр на медицину.

Парни из лесного колледжа, отражая предстоящую заботу о лесах, красовались в костюмах бравых тирольских лесорубов. Перед работниками водоканала ступала очаровательная девица с вёдрами и коромыслом, очевидно намекая на последствия забастовки водоканала. Словно смешались разные эпохи, сказка и быль, парад предприятий и организаций выглядел как маскарад.

В моей же ситуации, когда я уходил от сожительницы и любимой, парад с оркестром производил на меня угнетающее впечатление. Будто город злорадно праздновал мою неудачу. Горожане шли по дороге, а я стоял на тротуаре в классическом синем костюме, белой рубашке и фиолетовом галстуке. Я лишь недавно приплёлся с работы.

Вдруг оператор с камерой задел девушку в леопардовом платье, и та вылила содержимое своего стакана на меня, испачкав пиджак и брюки. С извинениями красавица броси-

лась ко мне и случайно наступила каблуком жёлтой туфельки на мою ногу, да так, что я чуть не взвыл от боли.

В панике я кинулся к чемодану, намереваясь достать ключи, вернуться в квартиру и переодеться. Я присел на корточки, и мои «доспехи» не выдержали натяжения, брюки костюма с треском лопнули посередине. Именно в этот момент оператор национального телеканала повернул камеру на меня, чтобы вся страна любовалась.

– Да вы издеваетесь, – мелькнула мысль в моей голове, и следом вся эта толпа из фей и тружениц железной дороги, банщиц, князей, врачей и пожарных начала ускоренно проноситься возле меня.

Я посмотрел на красотку в леопардовом платье, всё ещё суетящуюся подле меня с виноватым лицом и, указав на порванные штаны, под камеру произнёс:

– После такого, вы, как честная девушка, просто обязаны выйти за меня замуж!

Позже я направился не в квартиру, а, хромя, побрёл к машине «Volkswagen Polo Sedan» 2016 года, собранной в городе Калуге. Этот автомобиль являлся моим последним сокровищем.

Так с оркестром я съехал из квартиры своей сожительницы Ольги Александровны Цирюльник, были времена, когда мои дела складывались намного лучше.

Знакомство

Парни, которые сейчас пытаются знакомиться с девушками не только в интернете и клубах, но и, по старинке, на улице, подвергли бы суду и казнили изобретателей больших солнцезащитных очков и мобильной связи. В описываемый мною период 2010-х у женщин Беларуси модно носить огромные солнцезащитные очки, закрывающие почти поллица, они похожи на часть шлема пилота истребителя. В таком аксессуаре можно смело грабить банки или водителей на дорогах, вас потом точно никто не узнает, Зорро бы позавидовал. Признаю, что выглядят они для куса пластмассы отлично, но парень, желающий подойти к девушке, тысячу раз подумает, ведь что тaitся под очками – неизвестно.

Эти очки полочанки не снимают даже заходя в тёмный транспорт или помещение, иногда мне представляется, что они в них принимают душ и спят. Параллельно большинство красавиц ещё и в наушниках. Однако с проблемой наушников отважные мужчины научились справляться, обгоняя меломанок, а затем оборачиваясь к ним с каким-нибудь дурацким вопросом и заставляя прелестниц наушники вынуть.

Другой случай – мобильный телефон: прерывая чей-то

разговор, вы неизбежно наталкиваетесь на негативную реакцию. И знакомиться с девушкой, отвечающей по мобильному, это очень плохой вариант. Но как поступать, когда красотки говорят по нему часами на улице? И, если девушка тебе понравилась, дождаться окончания беседы невозможно. Это будто какие-то дипломатические переговоры международного масштаба, которые девушки прекращают лишь у себя в квартире. Да если бы модными у женщин стали космические скафандры со звукоизоляцией, то и тогда наладить с ними приятное общение было бы легче, чем при наличии у болтушек мобильного.

Одна моя коллега жаловалась, что она интересная и симпатичная, а поклонников мало. При этом она вела своё возмущённое повествование в солнцезащитных очках, придающих ей богомолоподобный вид, и с мобильником в руках.

С Олей было иначе, я встретил её в аптеке. Оля работала недалеко от дома, где я с ней поселился, в дежурной круглосуточной аптеке под номером 77. Вспоминаю, как два года назад я открыл скрипучую дверь, зашёл в аптеку и оторопел, увидев её, девушку-провизора. У Карла Юнга есть теория о специфических первообразах в нашем подсознательном – архетипах. Так вот Оля обладала внешностью моего архетипа идеальной девушки. Она была невысокого роста и имела классические черты лица. Огромные искристые серо-зе-

лёные глаза Оли сводили с ума, как и её озорная белоснежная улыбка. Густые каштановые волосы девушки немного вились. Находясь в очереди и покупая витамины, я постеснялся с ней познакомиться, но, покинув аптеку, решил, что не прощу себе, если уйду, и устремился в смежный с аптекой цветочный магазин, украшенный сверху вывеской с лейкой. Я приобрёл там одну алую розу и вновь вернулся в аптеку. Здесь была душная атмосфера, создаваемая тусклым светом, смесью запахов лекарств, вирусов и больных людей. Небольшая любопытная очередь стала меня пропускать вперёд, считая, что я опаздываю к кому-то на свидание. Я отказался, но, переминаясь с ноги на ногу, очень волновался. Чего я только не наслушался, посетители допрашивали провизора про все грибки и вирусы. Стоящий передо мной мужик с чёрными усами закончил перечисление списка лекарств заказом презервативов.

– Какие именно презервативы вам нужны? – зажато спросила Оля.

– Дайте на ваш вкус, – отозвался клиент, и Оля, покраснев, достала первую попавшуюся упаковку.

– И у меня тут проблема, у дочки разболелось ухо, но я не доверяю врачам и залил ей в ухо заячий жир, а малышке лишь хуже! – продолжил черноусый посетитель.

– Ну ещё бы! И где вы взяли в городе заячий жир? – поинтересовалась провизор.

– Я охотник! – гордо заявил покупатель и получил от Оли

подробные рекомендации с требованием обратиться к врачу.

– Повезло дочке, что её отец охотник, юморист и целитель. И меня угораздило найти заведение, чтобы кадрить девчонок, – подумал я тогда и, оказавшись возле окошка провизора, переборов себя, промолвил:

– Здравствуйте ещё раз, здесь, конечно, не подходящее место, но вы мне понравились и я хотел бы с вами познакомиться. Возможно, вы дадите мне шанс и оставите свой номер телефона?

– Ой, ну я не знаю, у нас ведь такая разница в возрасте, – сказала пьяная женщина лет 55, крутящаяся прямо за мной, наверное, желая пошутить. Я сделал вид, что не заметил подвыпившую даму.

Оля замялась, начала тараторить что-то про неожиданную ситуацию, но на её лице не наблюдалось удивления, как будто она ждала моего возвращения. Потом провизор вручила мне бумажку и розовую ручку со словами:

– Вы можете написать мне свой телефон, и я перезвоню вам, как только у меня появится время.

– После дождичка в четверг! – с усмешкой прокричала мне в ухо неугомонная соседка, заставив меня поморщиться.

Я часто слышу про потерянное поколение девяностых, про лихие девяностые и о необходимости какого-то «возрождения». Я могу понять возрождение в Италии передовых традиций Римской империи, но что вы намереваетесь поднимать из руин в Восточной Европе? Неужели Моско-

вию с боярами, oprичниками и холопами или Речь Посполитую с рокошами, религиозным преследованием, конфедерациями, либерум вето и своеволием шляхты? Напомню, что и в Великом княжестве Литовском белорусский первопечатник Франциск Скорина безвинно сидел в тюрьме. Что вы собрались возрождать? Российскую империю с крепостными, каторгой, отсутствием парламента и политических свобод? Или Советский Союз с диктатурой коммунистов и чекистов, хлевами в храмах, железным занавесом и дефицитом всего?

Рэкетирь и путаны, заполонившие города бывших советских республик в 90-х годах XX века, выросли и были воспитаны ещё в СССР, поразмыслите над этим. Да и повсеместное хамство, с которым я столкнулся в аптеке, тоже являлось наследием коммунистической империи. Ах да, во всех этих государствах присутствовало и много хорошего, но организация управления оставалась абсурдной и неэффективной.

Будь мне 19 лет, я бы с негодованием преподнёс розу пьяной женщине и удалился бы из аптеки навсегда, но мне было 26. Я написал телефон и передал назад в окошко бумажку и алую розу, кинув вслед реплику:

– Это правильный выбор!

Появление розы стало сюрпризом для провизора, и Оля отблагодарила меня улыбкой. Но всё оказалось не так легко, в течение пяти дней она мне не позвонила, и я отправил в аптеку приличный букет роз, упомянув в записке, что я ожидаю, и только тогда она меня набрала и всё завертелось, она

согласилась на свидание.

Я – парень с ничем не примечательной внешностью: среднего роста, скорее худощавого телосложения, но я крепче, чем кажусь на первый взгляд. Русые вьющиеся волосы, голубые холодные глаза, разве что моё лицо производит впечатление интеллигента. В ухаживаниях за Олей я старался быть романтичным и придумал такую игру, как «цветочный телеграф». Например, фразу «Просто цветы красивой девушке, улыбнись!» я порезал на пять слов, а затем к каждому слову, распечатанному красным шрифтом на фотобумаге, я прикрепил по алой розе, а к слову «улыбнись» – 3 розы. Потом я договорился с разносчиками цветов, вы бы видели их ошарашенные лица. Оля находилась за прилавком, и, где-то раз в час очередной посетитель аптеки подавал ей цветок с посланием.

Иногда я исполнял для Оли мелодии на саксофоне, расположившись с букетом прямо под дверями 77 аптеки.

Это чувство, что ты нашёл свою вторую половину, точно внутри тебя загорается солнце, пронизывающее всё теплом и светом. Когда мы встречались после работы в кафе, её глаза сверкали, а взгляд наполняли надежды. Оля подростком писала картины, я купил ей краски и кисти, приложив к ним открытку со стихом:

Принцесса Ольга мирно спит,
Над ней в окне луна сияет,
Ангел-хранитель с ней сидит,

Покой он Ольги охраняет!
Макая кисти в лунный свет,
Принцессе ангел сны рисует,
В них море золотит рассвет,
И берег, где она танцует.
Рисует ей поля тюльпанов,
Издаюка по ним иду
Верблюдов сотни караванов
И ей сокровища везут!
Рисует Ольге он ковьёр,
Волшебный (может тот летать),
Чтобы поднявшись выше гор,
Могла бы в облаках мечтать!
Рисует принца ей в карете,
Вздыхая, будто обречён,
Прекрасней Ольги нет на свете,
И ангел сам в неё влюблён!
Во сне принцесса улыбнётся,
Награды лучшей ему нет!
Когда от сна Ольга очнётся,
Он сбережёт её секрет!

Сейчас вспоминать об этом даже смешно, глаза Оли давно потухли. Но были робкие объятия и нежные поцелуи с горячим дыханием, под падающим снегом. Мы запланировали «предсвадебную» совместную поездку в Европу.

Нашествие Золотой Орды

«Воздвигнув большой шатёр, мы собрались пировать, и я, как старший среди находившихся здесь царевичей, первый поднял и выпил провозглашённую чару. За это на меня прогневались Бури с Гуюком и, не желая больше оставаться на пириестве, стали собираться уезжать, причём Бури выразился так: «Как смеет пить чару раньше всех Бату, который лезет равняться с нами? Следовало бы протурить пяткой да притоптать ступнёю этих бородатых баб, которые лезут равняться!» А Гуюк говорил: «Давай-ка мы поколем дров на грудях у этих баб, вооружённых луками! Задать бы им!» Эльчжигидаев сын Аргасун добавил: «Давайте-ка мы вправим им деревянные хвосты!»» (Из жалобы предводителя монгольского похода на Европу Батыя хану Угздею, на неподобающее поведение на войне сына хана Гуюка и царевича Бури, XIII в.)

Во время нашего путешествия Европу захватила аномальная жара. На сорок туристов автобуса, в котором мы ехали, приходилось 36 белорусов и 4 россиянина. Самыми активными и разговорчивыми оказались бывший моряк Сергей, седой и крепкий дед лет 65 из Смоленска и толстая брюнетка Жанна, директор какого-то филиала банка из Москвы, на вид лет сорока семи, с волосами, собранными сзади в пучок.

Стоило нам пересечь границу с Польшей, как моряк стал ко всем пассажирам вязаться с водкой, ему нужен был собутыльник. Директор банка его поддержала и, закурив прямо в салоне автобуса, под стопку водки, заорала пятидесятилетнему водителю Дмитрию:

– Дима, мальчик, поставь нам весёлую музыку!

Можно было умчаться из Восточной Европы, но мы являлись её частью, а от самого себя не убежишь. Так, дверь в туалет на заправке в Чехии открывалась, если закинуть в замок 50 евроцентов. Я честно их вложил в отверстие, дабы не позориться перед чешским персоналом, но вместе со мной в туалет вошли ещё четыре человека. С меня разочарование чехов в их системе только началось. Вход был платным, но выход свободным. И, когда я, возвращаясь, распахнул дверь, в неё заскочили шесть белорусов. Так народ врывается группами в туалет, просто ожидая, пока кто-то из него выйдет.

На Олю же произвело впечатление, как молодая журналистка-белоруска из нашего автобуса на стоянке в Австрии нажала под четыреста раз на дозаторы с жидким мылом над умывальником. Она сливала мыло в пустую пластмассовую бутылку, объяснив Оле, что будет пользоваться им ещё три недели.

Переместившись на территорию Германии, мы попали в пекло, за окнами было 40 градусов по Цельсию. Автобус остановился на немецкой бензоколонке, и нам дали пятнадцать минут, чтобы привести себя в порядок. Все справи-

лись, опять же, кроме Сергея, опоздавшего на десять минут и приковылявшего с шестью банками немецкого пива, и директора банка Жанны. Её искали час с лишним, при этом, по настоянию руководителя группы, все пассажиры сидели в салоне, где держалось +45 градусов по Цельсию, так как кондиционер охлаждал лишь при движении автобуса. Белорусы злились, но молчали в тряпочку и дисциплинированно ждали. Возмущались вслух только россияне, периодически поднимавшиеся с места и рвавшие покурить на улицу, но их не выпускали. Правда, моряк, разделавшийся за час с 5 банками пива, всё же вымолил себе визит назад на стоянку, наведаясь в уличный туалет, сделал, что хотел, и уже намеривался плестись в автобус, но дверь заклинило. Сергей дёрнул ручку и раз, и два, и сорок, стёр себе ладонь от усилий, но ничего не получалось. Тогда он позвал на помощь и, благо, что в Германии много русско-говорящих людей, его вызволили. Выяснилось, что туалет автоматический и отворяется после полного цикла процедур, с мытьём рук. А наш моряк воду в раковине не включал.

И вот через час тридцать «банковская королева» Жанна появилась и на недовольство попутчиков хладнокровно ответила:

– Вы знаете, на заправке есть душ, а я не могу, если с утра его не приму!

То, что весь автобус парится в +45 градусов по Цельсию, пока она расслабляется, москвичку, видимо, не заботило.

Однако больше меня поражала бросающаяся в глаза разница менталитетов. Россияне негодовали и даже выкрикивали виновнице простоя ругательства, но белорусы лишь вздыхали и качали головами, вжавшись в кресла. Граждане Российской Федерации проявляли себя гораздо раскованнее белорусов.

Оля очень любила тюльпаны, и я покупал ей их в Амстердаме. Гид нам сказал, что в Республику Беларусь луковицы тюльпанов ввозить нельзя, поэтому, будучи законопослушным белорусом, я доставил их на родину только полспортивной сумки. Там же, в Амстердаме, в квартале «Красных фонарей», мы насмотрелись на мужчин и женщин всех возрастов за стеклом с алой подсветкой. После экскурсии наш русскоязычный гид лет сорока громко объявил:

– У вас есть два с половиной часа свободного времени. Желающие имеют возможность пойти в квартал «Красных фонарей» либо в музей секса, а кто захочет – прокатиться по каналам!

И пьяный смоленский моряк проронил:

– На воду я за свою жизнь нагляделся!

И побрёл назад к продажным девушкам, на что он не налюбовался, все догадались без слов. Я посещал Амстердам трижды, дважды без Оли, но всегда шагал к каналам. Честно говоря, я об этом не сильно жалею.

Во внешности Оли, из-за огромных чарующих глаз и тёмных волос, присутствовал восточный колорит персидской принцессы. Я был счастлив, обнимаясь с ней на катере, а

около нас пожилой голландец играл на аккордеоне чудесную мелодию, иногда я до сих пор слышу её во снах. Волосы Оли развевал ветер, а вокруг катера солнце заливало водную гладь золотым сиянием, и рядом просто кишели различные суда. Амстердам я и сегодня считаю самым романтичным городом из тех, что я видел.

Для отражения духа путешествия следует отметить и наше посещение Венеции. В отеле в Тоскане на завтраке со «шведского стола» сметалось всё. Одноразовых контейнеров Nutella туристы украли столько, что ели их ещё пятнадцать дней и у некоторых в пути начался диатез. Хлеб и сыр, фрукты и мясо народ прятал в пакеты. Директора филиала российского банка персонал отеля поймал на том, что она засунула такой пакет с едой себе в сапог, и ей дали штраф 50 евро.

Я и Оля были жизнерадостными влюблёнными и старались ничего негативного не замечать. Тем более вскоре мы попали в Венецию – удивительный город на воде, где катались на гондолах по венецианским каналам. Наши соотечественники требовали от гондольера спеть песню, но тот за низкую оплату своего труда делать это категорически отказался. Думаю позже он сокрушался, что не согласился, поскольку пассажиры сами ему пели всю дорогу. Стоит ли говорить, что голос и слух у моих попутчиков отсутствовали и хорошее настроение вмиг испарилось. Проплыв по каналам, народ вознегодовал, что они такие «пошарпанные» и «ста-

рые» и не покрыты свежей краской и штукатуркой. Это возмущало белорусов почти так же, как затем в парках Парижа песчаные аллеи. Они не могли понять, почему эти «дураки» европейцы не выложат дорожки современной плиткой, как у нас на родине, где ещё немного – и районные и областные города, древние и новые, будут словно двойники. Потому что вымощены одинаковой плиткой и заставлены идентичными клумбами. Эдакая безвкусная обезличенность, обделённая оригинальным обликом и атмосферой. Впрочем, белорусские небольшие города выглядят на фоне российских значительно выигрышнее. Восточнее Беларуси в малых городах кажется, что краска в населённые пункты вообще никогда не завозилась. А цветы на улице и дворников там явно находят буржуазными излишествами, и описываю я это всё не без боли в сердце.

Но вернёмся к Венеции, где я с Олей бродил по улочкам, восхищаясь карнавальными костюмами в витринах и разнообразием украшений и статуэток из стекла. Венеция – это стеклянное королевство, с тёплым и влажным воздухом. Это обольстительный город крылатых львов, карнавалов и кружев, распутника Казановы и бирюзовых вод лагуны. Венеция – это капризная и бунтующая дочь Византии, морская царица средневековья, веками связывающая торговлей Европу и Азию и взбудоражившая грёзами Марко Поло загадочный Китай.

Несколько смущаясь, мы с Олей целовались в Кампаниле,

башне высотой 98,6 м с обзором всей Венеции.

Руководитель группы посоветовала нам посетить Пизу, посмотреть на знаменитую наклонную колокольню, и мы с Олей записались на экскурсию.

Сбор для поездки назначили на венецианской площади Сан-Марко. Молодая длинноногая блондинка, на вид лет тридцати пяти, в красивом льняном платье серого цвета и с серёжками из кружевной белой ткани, явилась с нашим руководителем и, широко улыбнувшись, с выдохом произнесла:

– Пойдёмте к автобусу!

После она стремительно кинулась в сторону, будто спасающаяся от волков лань. Догнать её было тяжело, мы лишь мчались за ней, пытаясь не потерять из поля зрения. Но настигнуть экскурсовода всё-таки пришлось, причём первой это совершила старушка, лет семидесяти, когда через полтора часа отчаянной погони у пожилой женщины стали отниматься ноги. На требование объяснений, наш экскурсовод, пожав плечами, ответила, что заезжать в Венецию очень дорого, и нам необходимо выйти из города, чтобы сесть в транспорт. Ну хоть не пешком в Пизу!

Эти события чуть-чуть испортили впечатление от Пизы, но город был изумительным, и рассказ о том, что в нём есть своё летоисчисление и отдельный «Новый год», меня заинтересовал.

До отбытия из Венеции руководитель нам предложила

сходить на венецианский пляж «Лидо ди Венеция» на пару часов. Сам пляж являлся бесплатным, однако за кабинки для переодевания, туалет и душ нужно было внести по 1 евро. Конечно, никто не собирался в этом путешествии плавать, ни купальников, ни плавок ни у кого не нашлось. Но море белорус ни за что не отвергнет. Так уж получилось, что все страны, граничащие с Республикой Беларусь, имеют выход в море, но белорусам в данном плане не повезло. И их тоску по морю и солнцу не передать, рай для белоруса должен быть каким-нибудь солнечным островом посреди океана.

Ведомые стадным мнением всего коллектива, никогда не доводившим наш народ до добра, мы решили не отдавать ни евроцента. Вещи туристов из Беларуси сложили в громадную кучу, а чтобы «ничего у нас не украли», мои попутчики выставили охрану из двух человек.

Единственным белым пятном на пляже являлись белорусы вперемишку с россиянами из автобуса. Видимо, испанцы и итальянцы давно не сталкивались с пионерскими вахтами и шарахались от нашей одежды, как от огня. Да и бельё на всех нас было словно чужое, неуместное и даже нелепое на итальянском пляже.

Я плавал хуже Оли, в тёплом и чистом море, мы смеялись, целовались и по-детски непринуждённо баловались с волнами. После купания в солёной воде возникла новая проблема. За душ и кабинки для переодевания мы не рассчитались, а впереди нас ждала долгая дорога и было необходимо выжать

бельё. Но где?

Сменив зоркую стражу у вещей, наша «белоснежная» компания отправилась искать на пляже «Лидо ди Венеция» кусты. Это оказалось не так-то просто сделать, но вскоре кусты были найдены и почти вся колонна в четыре десятка человек, с недовольным и традиционно свирепым видом в них заглянула. В кустах укрылась небольшая группа из 5 немцев, один из них играл на гитаре и пел, но от нашего неожиданного визита, голос у исполнителя пропал, а рука соскочила со струны.

В итоге я с Олей и ещё несколько человек заплатили за нормальный душ. Остальные, включая московскую любительницу душев, поехали в соли.

Руководителю тура, Лидии Петровне, подруга в Италии презентовала «хамон» – огромный испанский сыровяленый свиной окорок с копытом. Провозить его в Беларусь было запрещено. И, когда молодая белорусская девушка-таможенник поднялась и пошла изучать салон автобуса, Лидия Петровна, шатенка средних лет в бежевом платье, засунула этот окорок себе под подол, уперев его копытом в пол автобуса. Блондинка-таможенник беспечно скользила взглядом по креслам и вдруг застыла как вкопанная, наткнувшись на ноги руководителя. Ведь одна нога была свиной и с копытом. Девушка в униформе хотела что-то произнести, вероятно спросить про контрабанду целого окорока, а если это не свинина, то о наличии летающей метлы, но Лидия Петровна ис-

пуганно сказала невпопад на опережение:

– Эх, молодёжь наша, ни на что не годная, инфантильная, вести себя не умеет. Потерянное поколение 90-х, по плану Даллеса. Правильно, что её ни на какие должности не пускают, на пенсионерах страна держится. Вот и здесь шумят, вы уж простите их!

– Ну да, всё с вами понятно, – озвучила блондинка и, кивнув головой, вышла из автобуса.

С тех пор, если неоправданно ругают молодёжь, я приглядываюсь, не торчит ли из под одежды у критикующего свиная нога.

Сидевший около меня и Оли седой моряк Сергей склонился ко мне поближе и бросил полушёпотом с гордостью:

– «Хамон» это что, я когда дальнобойщиком работал, то свинтил на немецкой заправке раковину со смесителем. А ещё мне нравились камни на Лазурном берегу, так я их себе из Франции натаскал столько, что сложил из них баню!

Катастрофа

«А Хеопс, в конце концов, дошёл до какого нечестия, по рассказам жрецов, что, нуждаясь в деньгах, отправил собственную дочь в публичный дом и приказал ей добыть некоторое количество денег – сколько именно, жрецы, впрочем, не говорили. Дочь же выполнила отцовское повеление, но задумала и себе самой оставить памятник: у каждого своего посетителя она просила подарить ей, по крайней мере, один камень для сооружения гробницы. Из этих-то камней, по словам жрецов, и построена средняя из трех пирамид, что стоит перед великой пирамидой (каждая сторона этой пирамиды в полтора плевфра «около 46 м»)). (Из «Истории» Геродота о возведении фараоном Хеопсом великой пирамиды, V в. до н.э.)

После возвращения из Европы я перебрался к Оле в уютную двухкомнатную квартиру на четвёртом этаже, находившуюся рядом с книжным магазином «Светоч». Оттуда был странный вид на табачную лавку и магазин кондитерской фирмы «Красный пищевик». Я любил с утра на балконе с чашечкой кофе наблюдать за просыпающимся городом. От квартиры Оли мне удобно было добираться до работы, и неподалёку располагался стадион «Спартак», где я мог совершать вечерние пробежки.

Я был сотрудником Экологического центра, бывшей советской «станции юннатов». Само кирпичное одноэтажное здание Центра размещалось в уютном парке, оборудованном скамейками и велодорожками, практически напротив древнего Софийского собора, только на противоположном от храма берегу реки Двины. При Центре был высажен тенистый сад с сотнями разновидностей растений, его тишину нарушало лишь пение птиц. Около входа в Экологический центр был установлен в 1993 году памятник авторства Игоря Зосимовича «Тысячелетие христианства в Беларуси» – пасхальное яйцо из гранита, высотой в 2,5 м, на каменном постаменте. Венчал яйцо каменный крест длиной 1,2 м – копия драгоценного креста св. Евфросиньи Полоцкой. Яйцо покрывали каменные медальоны с изображениями белорусских святых.

Дело в том, что часть берега, где находился Экологический центр, когда-то являлась островом, омываемым со всех сторон ручьями и рекой Двиной. На этом острове в X веке викинг Торвальд Путешественник основал один из первых монастырей в Восточной Европе – Иоанна Предтечи, и, возможно, распространение христианства на белорусских землях началось именно отсюда.

Я и девушка-биолог Агата Александровна Новик, симпатичная рыжеволосая красавица с голубыми сияющими глазами, проводили в Экологическом центре экскурсии, занятия и ухаживали за животными.

Агата относилась к числу роковых девушек, не знающих, чего они хотят от жизни. Она была спортивного телосложения, а в её лице, когда Агата задумывалась, появлялось что-то одухотворённое, пленяющее собеседника. В неё было легко влюбиться, но я был ей не нужен и таких вольностей себе не позволял. Агата меняла парней, как перчатки, вечерами пропадала в клубах и употребляла много алкоголя. Она представляла из себя какую-то смесь соперезживающей всем наивной мечтательницы, националистки и стервы. Агата долго искала принца, но из этого ничего не вышло, и её единственным постоянным любимцем оказался полутораметровый крокодиловый кайман по кличке Чарли, сидевший в террариуме нашего Центра. Кличка Чарли досталась кайману из-за детского стишка:

Чарли, славный крокодил,
У царя вчера гостил,
Водку пил с царём и пел,
Ночью взял царя и съел.

Этого каймана Агата кормила рыбой, о нём заботилась, а на придуманную ею дату дня рождения Чарли – 3 июля, Агата набрасывала на голову каймана картонную корону и поздравляла его песней «Happy birthday».

В городе Полоцке ежегодно 15 августа проходил «Парад мертвецов», который начинался на территории древнего городища и заканчивался на площади Франциска Скорины, у фонтана. В ходе парада колонна из переодетой в зомби мо-

лодѣжи швыряла друг в друга и в прохожих «прах» – муку, зачастую врываясь и в кафе. Нужно заметить, что подготовленные горожане, вооружённые мукой, не оставались в долгу. Завершалось же всё это действие массовой попойкой у фонтана, где спонсоры обеспечивали мертвецов бесплатным спиртным.

Парад был посвящён нашествию мертвецов на Полоцк, упомянутому в летописях под 1092 годом. Два года назад, на параде, изрядно напившись, я, весь покрытый мукой и разболтавшимися бинтами, встретил нетрезвую улыбающуюся Агату. На её лице было много фиолетовой и синей косметики, а бирюзовую блузку Агаты и её оранжевую юбку окутывали алые разводы «крови».

– Привет, Костя, ты выглядишь в этих бинтах как пациент травматологии, а не мертвец! – язвительно промолвила Агата.

– А ты скорее похожа на плохо покрашенную проститутку, чем на зомби! Правда, ты всё равно неотразима, – ответил я ей, перекрикивая шум музыки. Агата загадочно засмеялась, подалась вперёд и мы стали с азартом целоваться.

– Здесь вам не бордель! – заорала на нас какая-то пожилая дворничиха, мы с Агатой переглянулись и одновременно

кинули в бабушку мукой.

– Прах к праху! – сказала Агата, а затем мы продолжили свои интимные игры. Потом я проводил Агату до дверей её дома, и мы попрощались. После мы никогда не говорили о том параде, посчитав всё произошедшее лишь пьяным приключением.

Но вернёмся к жизни с Олей, я вспоминаю множество радостных моментов. У нас на кухне стояла ваза, для которой я всегда покупал свежую розу в находящемся поблизости цветочном магазине, минимум раз в неделю. Я старался почаще дарить Оле платья и сумки, привозить из командировок украшения. Всплывают в памяти засыпания в обнимку и обязательные нежные поцелуи по утрам. Оля отправлялась на работу раньше, чем я.

Мы устраивали праздники дома при свечах, и я назло нервным соседям, непременно играл Оле на саксофоне мотивы из песен очаровавшей её певицы – Ланы Дель Рей. Я организовывал совместные поездки в Минск, в аквапарк «Лебяжий», где на надувной конструкции мы получали адреналин, катаясь по трубам.

Следует отметить, что при нашем знакомстве Оля не умела даже целоваться. Однако она была безумно изобретательной, отважной и женственной. Оля любила пробираться ко мне обнажённой в душ, подкрадываясь с улыбкой и рыком, мягкой поступью, как пантера. Она обладала божественно

хорошей фигурой. Оле нравилось заигрывать со мной, начиная с прикосновений стройной ножкой, а затем, лаская, заводит меня своими холёными ладонями и пухлыми вишнёвыми губами, когда я готовил завтрак, или был на сеансе в кинотеатре. Миниатюрная и очень гибкая Оля имела лучистые глаза. В наших пылких чувствах мы исследовали тела друг друга и квартиру с каким-то неукротимым любопытством.

Но вскоре всё поглотил быт. Страсть стала уходить, и уже через год взаимная увлечённость заметно угасла. Изначально столь пламенные и безудержные отношения в постели – роботизировались, превратились в приятную, но скучную необходимость.

Как-то к нам на месяц прибыла погостить из Львова сестра Оли – Светлана с маленькой четырёхлетней дочкой Юлей. Я водил их по музеям и главным магазинам. Юля была светловолосой бойкой девочкой, однажды она подкараулила Олю, шедшую среди ночи в ванную комнату, и с криком выскочила на Олю из темноты, чуть не сделав её зайкой. Я долго смеялся с белой, словно полотно, сожительницы. Все напасти обрушились на нас после отъезда сестры Оли.

В тот роковой день, родители презентовали мне какие-то чёрные ягоды, которые собирали в лесу их соседи.

– Ты же работаешь в Экологическом центре, Костя, вот и спроси у биологов про эти ягоды, – напутствовали они.

Я принёс в Центр пакет с продолговатыми чёрными ягодами, объяснив, что они сейчас у полочан популярны и мои

родственники с друзьями их едят.

Все, включая биолога Агату, попробовали новинку и наелись ей до отвала, только потом мы заглянули в справочник и прочитали что это «лаконос» – ядовитые плоды.

От лица всех работников, коллега Агата поинтересовалась у меня:

– А ты, Костя, сам эти ягоды ел?

– Нет, конечно, я с детства приучен не пробовать всякую неизвестную дрянь, – ответил я невозмутимо, и тут раздался телефонный звонок. Композиция «Links 2-3-4» группы «Rammstein» развеяла напряжённую тишину, и на экране появилась Оля. Я поднял трубку, сказав:

– Алло!

– Привет, Костя, дорогой, меня подружки приглашают выбраться сегодня в клуб «Вавилон» часов до 12 ночи. Ты не против? – отозвалась Оля.

Она была красивой девушкой, но я никогда не пытался её контролировать, считая, что если Оля захочет, то всё равно изменит, и ей нужно доверять.

– Ладно, набери, если удержишься, – ответил я.

– Спасибо, целую! – выпалила она.

Клуб «Вавилон» являлся самым модным клубом города Полоцка, он располагался около бывшего бернардинского

монастыря XVIII века и собора святой Анны, куда мы с Олей часто отправлялись на свиданиях.

В городе Полоцке преобладали сиреневая и белая подсветки, а через громкоговоритель по утрам на улицах играла французская музыка, в основном пели два французских ангела: Милен Фармер и Ализе. Мне особенно нравился Полоцк весной, когда в нём цвели яблони, груши и вишни, наполняя город ароматом, что в сочетании с сиреневым воздухом, смесью французских мелодий и боя колоколов, оставляло особое приятное впечатление.

Привлекательным был Полоцк и в июле, в этот месяц в городе устанавливалась очень тёплая и влажная среда, создавая полудремотное дивное состояние. Полочанки в июле оголялись, и их потные тела обтягивала незначительная одежда, выдавая соблазнительные изгибы. Я помню образ Оли, с которой мы прогуливались июльским вечером возле бернардинского монастыря. Оля шла рядом в зелёном платье, от неё как всегда пахло жасмином, и, озарённая сиреневыми лучами, она бесконечно протирала своё лицо и прильнувшую к платью полуобнажённую грудь. Оля улыбалась, а её глаза горели вожделением.

Белое прямоугольное здание монастыря бернардинцев было местом притяжения отдыхающих полочан и туристов, в нём размещалось несколько баров, кафе и гостиница «Франциск Скорина». Во дворике монастыря во все сезоны зарабатывали выступлениями молодые музыканты.

К комплексу бернардинцев примыкал храм св. Анны XVIII века, сильно пострадавший во время Второй мировой войны. Собор перестроили в актуальном архитектурном стиле. Теперь храм с одной вытянутой вверх башней по форме напоминал космический корабль – Шаттл. Его очертания являлись плавными и обтекаемыми, здание украшали сияющие витражи. Как в средневековье, крестьяне и горожане, попадавшие в христианский собор, восхищались его причудливой для своего времени архитектурой, так и современный храм св. Анны должен был поражать воображение посетителей.

У центрального входа в собор сидела пара крылатых львов с книгами в лапах – символы апостола Марка, а само здание и его крышу покрывали бронзовые листы с благородной зелёной патиной и плющ. Этот храм в своём симбиозе природы и цивилизации навевал образы зданий из романа Герберта Уэлса «Когда Спящий проснётся» и вид Библиотеки Варшавского университета.

Перед храмом св. Анны летом традиционно работал цветочный рынок, что давало мне возможность в часы наших прогулок порадовать Олю покупкой букета.

Собор св. Анны гармонировал стилем с располагавшимся рядом с ним пешеходным мостом 23 воинов-гвардейцев, названным в честь погибших солдат, захвативших плацдарм на берегу Двины для освобождения Полоцка в 1944 году от немцев. Мост соединял через реку Двину Курган Бессмер-

тия и Софийский собор. Конструкцию моста устлали зелёные стальные плиты и кустарник, словно в парковой аллее, она была оборудована скамейками. Ох, сколько раз я с девушками целовался на этих скамейках, любуясь Двиной и плавающим по ней парходом.

Над опорами моста, создавая проходные арки, вздымались две стеклянные башни, одна в форме гигантского рога, отсыл к сигнальным рожкам, использовавшимся в бою на Руси, и первому полоцкому князю – Рогволоду. Другая башня, круглая в основании, пересекалась 4 кольцами террас с кустарниками и заканчивалась согнутым толстым диском с торчащими вверх шарообразными лампами на бронзовых ножках. Её оригинальную форму инженеры взяли из Радзивиловской летописи: с изображения полоцкого князя Всеслава, переплывающего Днепр, скопировав корону Всеслава Брючиславича.

Тридцатиметровые башни являлись зеркальными, чтобы лучше сливаться с окружающим ландшафтом и меньше отвлекать внимание от размещавшегося около них Софийского Собора. На северной башне, завершающейся диском, лампы на стержнях равномерно группировались в пять скопленных по три штуки вокруг вертолётной площадки. В Полоцке существовала легенда о том, что когда-то князь Всеслав Брючиславич заточил волхва и чародея Мантия в башне. Поэтому на изумрудном вертолёте Ми-38, блестящем над мостом, выделялась белая надпись «Мантий». Вертолёт напоминал

стрекозу, севшую на экзотический цветок. Саму «корону» оббивали бронзовые накладки, подобно рисунку летописи.

Ни единожды я играл в башне «Корона» для посетителей здешнего ресторана.

Южная, рогообразная башня, основание которой закрывал плющ, заканчивалась прожектором, как в парижской Эйфелевой башне, вращающимся по кругу. В башне «Рог» располагалась гостиница «Торвальд Путешественник». Силуэты башен моста 23 воинов-гвардейцев издали походили на огромный саксофон.

С северного входа на мост по направлению на монастырь бернардинцев приближающихся встречала пара чёрных бронзовых оскалившихся пантер, будто застывших в движении, высотой по 1,5 метра каждая. Они символизировали вермахт – грозного немецкого врага. С южного конца моста размещались две бронзовые фигуры солдат Красной армии, одна с винтовкой Мосина, а вторая с автоматом ППШ. Эти воины были ростом по 2,5 метра. За их распахнутыми шинелями в районе сердца у солдат сверкало квадратное окошко, в котором постоянно горела жёлтая лампочка, имитирующая мерцающее пламя. Между собором св. Анны и мостом 23 воинов-гвардейцев возвышался печально известный клуб «Вавилон» – зиккурат из металла и стекла, куда собиралась пойти Оля.

Здание клуба венчала освещённая каменная статуя крылатого пятиногого быка с человеческой головой – шеду, визи-

рающая на Полоцк. Статуя осталась от древней ассирийской империи, где охраняла вход во дворец. По слухам, в Полоцк шеду попал из Багдада, после того, как там был разграблен Национальный музей Ирака.

Статуя имела тайну: тот, кто смотрел шеду в лицо в 12 часов ночи, лишался памяти. Первой жертвой крылатого быка стал купивший его пожилой директор «Вавилона» – Иван Александрович Воробей. Он вышел из клуба в 24.00, бросил взгляд на шеду и испуганно промолвил:

– Что у него с лицом? Какое странное сияние!

Это было последнее, что сказал Иван Воробей, затем он потерял сознание, а очнувшись, лишился речи и памяти. Врачи констатировали у него инсульт. Следующим пострадавшим оказался двадцатилетний студент-экономист Полоцкого государственного университета Максим Кошкин. Он не поверил в эту историю, похвастался перед друзьями, что придёт к шеду ночью и ничего с ним не случится. Однако, рассматривая статую, Максим Кошкин на глазах однокурсников рухнул на асфальт и навсегда утратил связь с реальностью. Тогда милиция рекомендовала снять шеду со здания клуба, но новый директор «Вавилона» Сергей Катущка парировал:

– Крылатый бык обошёлся слишком дорого, чтобы его прятать. Да и весит он 21 тонну, спустить его не так-то просто. Лучше предупредите полоцчан через газеты, что смотреть на него в 12 ночи нельзя!

Шеду – дух-хранитель человеческой идентичности, будто крал у наблюдавших за ним эту идентичность, коей и так не хватало белорусам.

Кроме шеду клуб славился доступностью стриптиза, женского и мужского. От гардероба к главному залу «Вавилона» вели «Дорога процессий» и «Ворота богини Иштар», сооружённые настолько похожими на настоящие, что учителя-искусствоведы и историки приводили в клуб школьников днём. Официантки перемещались по залу в нарядах, стилизованных под Древний Восток, и подавали напитки с блюдами в стеклянной и глиняной «вавилонской» посуде.

Стены главного зала «Вавилона» покрывала мозаика из стекла вперемешку с глиняными клинописными табличками, выкрашенными в разные цвета. А посередине клуба стояла каменная стела с высеченными на её поверхности клинописью законами Хаммурапи. Об эту стелу разбили бутылку шампанского при открытии «Вавилона».

Всё бы ничего, но в гардеробе клуба сидела суровая старушка, Елизавета Егоровна, отработавшая полжизни на полоцком заводе «Стекловолокно», тётка директора клуба. Она являлась также и уборщицей в «Вавилоне» и могла оскорбить посетителей, если считала, что они непристойно одеты, и даже выгнать гостей клуба из-за столиков, вплоть до швыряния в них тряпки, когда наступало «время убирать». Одна байка разносилась из уст в уста. Однажды в «Вавилоне» отдыхала какая-то важная делегация из Министерства

по чрезвычайным ситуациям, здесь же присутствовали мэр города и представители университета с директором клуба Сергеем Михайловичем Катушкой. Начальники изрядно выпили, и тут к ним в VIP-зал шагнула Елизавета Егоровна. Говорят, это выглядело, словно дворник подошла к мусорным бакам с котами. От остервенелого вида уборщицы все онемели.

– А ну, кыш отсюда, мне пора мыть пол! Не для того я молодость на таких, как вы, угробила, чтобы ещё и на пенсии ночами куковать. Вместо работы весь день гулянку устраивают, проституток только осталось позвать, – рявкнула Елизавета Егоровна и демонстративно вылила полведра под ноги гостям. Директор клуба стал белым, как полотно, и, повернувшись к опешившим делегатам, произнёс с паникой в голосе:

– Извините, но нам действительно нужно перейти в другой зал!

Елизавета Егоровна Гутяк очень любила Экологический центр, и я был хорошо с ней знаком.

Итак, в вечер перед крушением наших отношений, Оля впервые посетила клуб «Вавилон», и на её компанию обратил внимание сам директор Сергей Катушка. В городе все его знали как состоятельного человека, путающегося с криминалом, ходили слухи о сбыте в клубе наркотиков и путанах. Сергей Катушка был старше Оли на восемь лет, высокий и широкоплечий, полный, зеленоглазый брюнет – он ка-

зался ей обходительным, остроумным и весёлым. Налив всей компании выпить, Сергей распахнул для девушек двери в зал клуба, где размещалась выставка живописи художницы из Полоцка Анны Галкиной, давно перебравшейся в Испанию. Слово за слово Оля призналась, что неплохо владеет испанским языком. Тогда Сергей Катушка достал фотографии своей виллы в Испании, в городке Лорет-де-Мар. У него там также была яхта, и со временем Сергей Катушка собирался поселиться в Лорет-де-Мар навсегда.

Очаровать Олю было не так просто, но кто-то в клубе порезал её сумку и украл из неё кошелёк. Оля имела неосторожность рассказать об этом директору, и Сергей Катушка обещал ей завтра же найти и завезти Оле кошелёк на работу. Он через подручных быстро выведал всё обо мне, и, видимо, решил, что я не опасен.

Утром директор клуба приехал к Оле в аптеку в шикарном зелёном костюме с её кошельком, а ещё розовой женской сумкой Louis Vuitton и букетом в 35 алых роз. Когда Оля спросила, как она может его отблагодарить, Сергей пригласил её в полоцкий ресторан «Парус» на берег Двины, где играли музыканты, а, главное, рядом не было Елизаветы Егоровны.

В ресторане Сергей долго описывал Оле свою прошлую жизнь в Санкт-Петербурге, то, как проводят дни богатые россияне, и свои грандиозные планы на будущее. Он поддерживал молодых хоккеистов и был почти испанцем.

– Для счастья у меня есть всё, кроме жены, и ты, Оля, должна ею стать, – промолвил Катушка. В завершение вечера Сергей исполнил потрясающую испанскую мелодию на гитаре, после чего страстно поцеловал Олю. На парковке у «Паруса» моя ненаглядная отдалась напористому Катушке в его автомобиле «Range Rover Sport», при этом порвав синее платье и колготки. У неопытной красавицы Оли даже не возник вопрос, почему такой яркий меценат до сих пор одинок, а следовало бы его задать.

Густав Лейбон считал, что у каждого народа в какой-то момент люди с определёнными особенностями психики (психотипом) и ментальностью оказываются наиболее успешными. И остальные члены общества, наблюдая за «победителями», начинают ставить их в пример и подражать им, постепенно формируя средний психотип. И, конечно, подобный психотип с десятилетиями становится самым распространённым в народе. Одно дело, если тебе необходимо с боевым луком, сломя голову, кидаться в любой миг и отбивать отару овец от волков или врагов. И совсем другое, когда для выживания тебе надо методично и терпеливо пахать неплодородную землю. Естественно, средний психотип, скажем, у финнов и монголов, будет совершенно различным, поскольку процветают у них абсолютно разные люди. Говоря о моей родине, к сожалению, образ усреднённого обеспеченного и влиятельного человека не подразумевает начитанного изобретателя, записавшегося в очередь на полёт в космос и по-

мешенного на здоровье и семье. Есть исключения, но если грубо и топорно, то этот образ следующий: крепкий толстяк, зачастую плешивый и сидевший в тюрьме, или бывший чиновник, катающийся на дорогой машине. «Хозяева Беларуси» обычно любят охоту, рыбалку и баню, держат кафе или небольшой магазин. Не чураются воровства. Часто пьют и курят, живут скорее по тюремным «понятиям», чем по государственному закону. Как правило, они не отличают белорусов от русских, ведь не знакомы с белорусской историей, языком и культурой.

Из моих рассуждений можно заключить, что я их не уважаю, но это не так. Эти люди отважны, они не боятся ответственности и улучшают хоть что-то в стране, в противовес многим представителям интеллигенции, обладающим нужными познаниями для развития государства, однако выбирающим заведомо проигрышные, демагогические проекты. Местные интеллигенты предпочитают идти путём, ведущим их в тупик. Нет, они не глупы, могут лишь предположить, что это проистекает из инфантильности и страха перед обретением власти.

Худшая и наиболее деградирующая часть интеллигенции в моей стране та, что поднимает всё в существующем режиме на смех, делать это сейчас не сложно. Но, когда просишь таких вечных «шутников» предложить свой план перемен, улыбка исчезает с их лиц и наступает немое молчание.

В действительности смех мог бы заживить множество ран

различных обществ, в том числе и белорусского. Но не тот вялый и подлый смех элиты над какими-то мелкими неудачами или безграмотностью соседей, а смех философский, безудержный. Если бы они были способны посмеяться над всеми достижениями человечества, над его пороками и самими собой. Таким смехом смеялись Сократ и скиф Анахарсис, Лао-Цзы и Бакунин. Ибо если человечеству с его интеллектуальным и творческим потенциалом за тысячелетия своего напряжённого роста удалось создать лишь то, что мы видим вокруг, то его потуги не достойны ничего, кроме смеха и жалости. Это всё равно, что талантливый ювелир или астроном в забытии станет копать своими инструментами глубокую яму и в процессе в неё упадёт. Иногда требуется посмеяться над собой, над обществом и человечеством, с его академиками, священниками и политиками, посмеяться над всеми нашими «успехами», над Природой и, если, вы верующий, даже над Господом Богом, искренне и до конца. Всё это закончится либо безумием, либо просветлением и возможностью двигаться дальше. Это не значит, что нужно всё разрушить и вернуться в пещеры, но необходимо понять условность и несовершенство всего существующего и происходящего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.